

Ко 100-летию со дня рождения Ивана Ивановича Белоглазова (22.09.1921-07.12.1988)

Детство.

Родился в селе Белогорки Царицынской губернии. Село основано как помещичий хутор Белая Горка на большой почтовой Саратовско-Астраханской дороге. Свое название село получило из-за белой глины, что лежит на верхушках окрестных гор. Отец Иван Никифорович Белоглазов (1887 года рождения), дед Никифор Тимофеевич Белоглазов, бабушка Елизавета Алексеевна. Первая жена Ивана Никифоровича Мария Семеновна Петрова умерла скоротечно, заразилась от больной коровы. Остался у него сын Дмитрий Иванович Белоглазов (26.11.1911—06.01.1995). Из записей, оставленных Дмитрием Ивановичем: «Первое время после смерти матери воспитывался у бабушки. После I мировой войны Иван Никифорович работал в Камышине на бойне. В 1920 году женился Белоглазов И. Н. на Марии Васильевне Горячевой (Петровой-фамилия по первому мужу). Она до этого была в браке 15 лет и детей у них не было. Первый муж умер. Родственники свели их. У нее и корова, и 3 овцы, и стадо волов было, и домик. А потом пошли у них дети один за другим: Иван (1921-1988), Марфа (1923-1972), Таисия, Лидия (30.05.1931-04.08.2010). Иван Никифорович любил выпивать, тяжело было Марии Васильевне управляться по хозяйству и с детьми. Когда трезвый, работает хорошо и много. Иван Никифорович в помощь находит работниц, которые у них жили, кормились, воспитывались и помогали. Галина Дмитриевна нянчила Ивана Ивановича и стала Дмитрию и Ивану как сестра. Потом ее отдали замуж. Новая работница была из Саломатино. В 1927-1928 гг выдали ее замуж. Иван Никифорович пьет, загуливает. Тяжело становится. Находят помощницу сироту Нюру из Таловки. Общение с девушками и их семьями поддерживалось еще много лет.

Была Мария Васильевна отличной хозяйкой, очень вкусно готовила. Пироги с начинкой всякой. По воспоминаниям Инны Дмитриевны Гнусовой: «Отец рассказывал, что в голодное время ловили сусликов, и Мария Васильевна запекала их в печи, и было вкусно.» По рассказам Марии Игнатьевны, свекровь ее пекла хлеб для всей деревни. И устраивала представления: стелила на свежий хлеб полотенце и садилась на него, а мякиш хлеба вновь распрямлялся на глазах.

Работали тяжело и много. Мед арбузный варили. Собирались семьями, одни режут, другие варят. Мясо засаливали в бочках, сало в коробках. Сад был хороший. Вишню на волох возили в Камышин продавать. Выезжали ночью, чтобы к утру быть на базаре. В 1928 вступили в колхоз. Всем селом сбрасывались деньгами на мельницу. Старая мельница жива была до 1937 года. Сначала хотели построить церковь, поставили стены. Но началась война. И построили мельницу. Школы в селе не было до 1925 года. Дети ходили учиться по квартирам по очереди. В 1925 году построили школу. В 1950 она сгорела». Иван Иванович закончил 4 класса деревенской школы.

Из воспоминаний Марии Игнатьевны: « В годы Великой отечественной войны Иван Никифорович был в селе старшим над чабонами - колхозными овцами. Дорога проходила с другой стороны села. По ней шло снабжение Сталинграда. И проезжавшие мимо военные остановились около фирмы, взяли овцу или ягнота за ноги и закинули в кузов в кадушку и поехали. Жена председателя колхоза была свидетельницей, как военные увезли овцу. В сельсовете допрос начали вести, решили, что военные поднесли рюмку Ивану Никифоровичу, и за это он отдал им овцу. Сообщили в милицию, и его забрали. Иван Никифорович был осужден и после без вести пропал.»

Война.

Иван Иванович в возрасте 20 лет был призван рядовым Камышинским РВК и отправлен на курсы танкистов. В сентябре 1941 ушел на фронт. Начал службу в 48-м отделении танковой бригады ПТР (бронбойщиком- войном с противотанковым ружьем), а в мае 1942 года участвовал в Харьковской операции, или как ее позже назвали Харьковской трагедией. Тогда 200 000 человек попало в окружение. В их числе и Белоглазов И.И. Танк подбили. Пока пытался его отремонтировать, экипаж

был расстрелян. Мелкими перебежками добрался до стога сена и спрятался в нем. Надеялся по темноте вернуться к своим. Средняя дочь Мария допытывала отца:

- Папа, почему не стрелял?

- Мое оружие – танк. Другого оружия у танкистов не было в начале войны. Ни автоматов, ни пистолетов.

Фашисты зачищали территорию. При обходе немцами хозяин подворья, увидевший случайно, как Белоглазов И.И. укрывался в стоге сена, показал на стог. Иван Иванович был взят в плен. Будучи пленным, прошел немецкие лагеря в Прибалтике, Польше, Германии. По воспоминаниям Марии Игнатьевны Белоглазовой: «Немец приехал за рабочими, спрашивает, кто трактор знает. Из строя вышли трое, в их числе и Иван. Он только и успевал ремонтировать, мальчишки у них на тракторах работали. Иван Иванович поучал этих ребят и девчонок. Хозяин кормил хорошо.» Так он смог выжить до освобождения в 1944 г. После немецкого концлагеря, Иван Иванович попал в Сталинский лагерь. А так как он механизатор и знал устройство немецких танков, а их после войны завозили тысячами, Ивана Ивановича отпустили на основании для поднятия сельского хозяйства страны после войны». С 20 августа 1945 года и по 1 сентября 1946 года служил бригадиром полеводческой бригады подсобного хозяйства на полевой почте № 96618. С положительной характеристикой поставлен на учет по месту жительства в деревне Белогорки 2 декабря 1946 года.

Глубокие воспоминания о войне пришли к деду в 1971 году, когда выдавал замуж среднюю дочь. По воспоминаниям Марии Ивановны Белоглазовой: «Ехала на свадьбу большая компания на свадьбу в город Бахач с пересадкой в г. Харьков. 5 часов стоянка. Когда двинулись уже на Бахач, Иван Иванович с Михаилом Стришным душевно сидели за рюмочкой. Смотрели в окно. Места знакомые с войны. И тут Иван Иванович увидел этот дом, из которого выдали русского солдата немцам. И кричал, что дом даже целый, что его не разбомбили. Он стал рваться в тамбуре в дверь и кричать: «Остановите, хочу на эти глаза посмотреть!». Оттаскивали Ивана Ивановича зять Михаил Стришный, дочь Мария Ивановна, проводница».

Мирное время.

По рассказам Марии Игнатьевны, после войны об Иване не было никаких вестей. Дмитрий Иванович стал разыскивать младшего брата и хлопотать о его судьбе. Из воспоминаний Инны Дмитриевны: «Дмитрий Иванович прошел всю войну. Сражался в рядах III Белорусского Фронта оперуполномоченным в звании старший лейтенант. Женился на Лебедевой Валентине Ильиничне (12.01.1921-10.08.2002) официально в 1946 году, в 1945 родилась дочь Инна. После войны ещё два года воевал с бандеровцами во Львовской области. Дмитрий Иванович говорил: «Там чуть не прихлопнули нас». Про то, что Иван Иванович был в плену, я узнала много позже. Нельзя, наверное, было тогда об этом рассказывать. Эта тема не поднималась у нас».

Из воспоминаний Марии Игнатьевны: «В 1946 вернулся Иван. Забыл русский язык. Запинался. То так скажет, то так. Скажет слово и ы-ы. Спрашиваю: «Почему ты так разговариваешь?» А он: «Ах. Тебя б туда!» И заплакал: «Нас столько наций было. Столько много нас было! И итальянцы, и украинцы, и все разговаривали по-разному». На меня обиделся так, и я больше не стала его спрашивать. Иван Иванович никогда не рассказывал про плен и войну. Внучата просили его: «Дед, расскажи». Он заплачет: « Я не буду рассказывать, не могу я. Это хорошо, что я так угодил.» По возвращении домой стал членом комсомольской партии, назначен бригадиром на тракторном отряде в колхозе «Правильный путь». Решил жениться. Не знай, люди посоветовали меня взять. Не знай, в клубе может видел меня. Хотя никогда не останавливал меня. Я его может и видала, но не знала. Они за речкой жили. Мы дальше речки не ходили. Начал разговаривать с моим отцом. Он был бригадиром тракторной бригады, а отец производственной бригады. 17ый год мне шел, а ему

27ой. Иван говорит отцу: «Я приду сватать к вам дочь». А отец: «Она у нас еще без штанов ходит». Иван: «Купишь. Наденешь штаны». В одно время приходит он один. А я дружила с мальчишкой, Сашкой звали его. Ну как дружила. Постоим немного. Про то, про се и разойдемся. Отец послал: иди за тетей Симой, ну и договорились. Боялась я отца до смерти. Он строгий у нас был. Раз отец сказал, надо идти. Наплакалась я до смерти. Мать, отец спрашивали меня, пойду ли за муж. Нагнула нос. Пойду. А как пойду, куда пойду? А они ещё хуже нас жили. Только у них хлеб был. Он трактористом работал. А трактористам давали зерно. Отец с матерью ездили по селам и в город, искали, чтоб какую материю на платюшко купить. Ничего не нашли. В материнском подвенечном платье замуж выходила. Сборочками было сшито, вырез, уборки здесь, белок с розовыми цветами. Расписались в сельсовете 1 марта 1948 года. Свадьбу гуляли.

Привел меня в свой родительский дом. Где жила его мама, сестра Лида, сестра Марфа с сыном Михаилом Жгут. Марфа на фронте расписалась с белорусом и родила от него сына, он обещал приехать после войны, но обманул. Семья у него была. Две дочери. Все жили в одном доме. Рухлый старый домишко, крытый соломой по другую сторону речки. Вода шла через дом. Летом-зимой вычерпывали воду из подпола. Потом уж пробрили дыру в фундаменте, стала вода выходить от тель.

Клавдия родилась, потом Мария, Иван, Елена, Федор. Как горох посыпались. Имена Клавдии, Марии и Ивану Иван Иванович дал. Я называла Лену и Федора.

Иван Иванович был бригадиром, а потом механиком и работал им до пенсии.

Дом купили в 1955 году. Сараи были поделаны хорошо, только соломой крыты, дом холодный, фундамент был тесом отремонтирован. Сараи все каменные и каменные валы были для овец перед домом и за огородом. Перезимовали одну зиму, вода на стенках замерзала. Печь топили киззяками. Потом галанку переложил печник безрукий из города, печь русскую в кухне сложили из старой печи. Дом кирпичом обложили. Тепло стало. Свекровь к нам жить пришла. Говорю ей: у нас теперь тепло. Приходи. Внучат воспитывала. Жалко ей их было.

Гараж Иван Иванович построил из днищ прицепов для комбайнов, крыша в крапинку из немецких очистных машин для сортировки зерна, они на току стояли. Пристройку к гаражу для дров – из других прицепов.

Смерть.

Из воспоминаний Федора Ивановича Белоглазова: «Осенью 1988 года положили отца в больницу с сердечным приступом. Я к нему приезжаю, он говорит: все нормально. Скоро будут выписывать. Потом приезжаю. Он идет хромает. Я говорю: «Что такое? Два дня назад не хромал. А теперь хромаешь!» Говорит: «Да, что-то нога. Сказали, хирурга пригласят». Как я позже понял, тромб образовался в ноге. Кровоснабжение ухудшилось. На следующий день приезжаю. Хирург приходил, какую-то мазь прописал. И через день или два отец уже нормально ходит. И его выписывают из больницы. Сразу не уехал, автобуса не было. Остался переночевать у Клавдии Ивановны. Я работал в ПМК-2. Как раз там, где Клавдия Ивановна живет, отремонтировал теплотрассу около девятиэтажек, отец подошел. Мы с ним общались. Говорит, завтра поеду домой утренним автобусом. Но ночью вызвали скорую помощь, у отца приступ. Состояние тяжелое. Он лежит в палате реанимации. Кислород подводили ему. Ночью мы дежурили по очереди. В мою смену он говорит: Ну все, мне сейчас лучшее, ты давай иди, сынок». Я говорю: «Нет, пап, побуду с тобой до утра». Утром приходят врачи и переводят его в общую палату. В общую палату, значит улучшение. Потом мы уже поняли, что произошло. Тромб оторвался, пошел по кровеносным сосудам и попал в сердечный клапан. Сердце прокачало тромб, и он попал в легкие. В тот момент никто ничего не говорил. Произошла закупорка лёгочной артерии. Нарушилось кровоснабжение легких. Практически неделю отец был в больнице. Я на работе, Клавдия Ивановна прибегает: умер отец».